

Научная статья

УДК 821

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_95

«Волшебная гора» Томаса Манна: от замысла к воплощению

Д. А. Беляков¹, Ю. В. Чернова², А. Ю. Веденеева³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹d.belyakov@linguanet.ru

²ju.v.chernova@linguanet.ru

³a.vedeneeva@linguanet.ru

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме диалектики замысла и воплощения в художественном творчестве на примере «Волшебной горы» Т. Манна, одного из ключевых интеллектуальных романов первой половины XX века. В оборот отечественного литературоведения вводятся неизвестные архивные материалы – так называемая «йельская» рукопись произведения немецкого классика. В результате проливается дополнительный свет на жанровую специфику романа, а также на характер эволюции образа протагониста.

Ключевые слова: «Волшебная гора», замысел, воплощение, «йельская» рукопись, интеллектуальный роман

Для цитирования: Беляков Д. А., Чернова Ю. В., Веденеева А. Ю. «Волшебная гора» Томаса Манна: от замысла к воплощению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (868). С. 95–100. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_95

Original article

«The Magic Mountain» by Thomas Mann: from the Idea to its Actual Implementation

Dmitry A. Belyakov¹, Iuliia V. Chernova², Anastasia Ju. Vedeneeva³

^{1,2,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹d.belyakov@linguanet.ru

²ju.v.chernova@linguanet.ru

³a.vedeneeva@linguanet.ru

Abstract. The research is devoted to the acute problem of the dialectics of conception and implementation in literary work on the basis of Th. Mann's «The Magic Mountain», one of the key «intellectual» novels of the first half of the 20th century. Unknown archival materials are being introduced into the Russian literary studies – the so-called «Yale» manuscript of the German classic's work. As a result, additional light is shed on the genre specifics of the novel, as well as on the nature of the evolution of the protagonist's image.

Keywords: «The Magic Mountain», conception, implementation, «Yale» manuscript, intellectual novel

For citation: Belyakov, D. A., Chernova, I. V., Vedeneeva, A. Y. (2022). «The Magic Mountain» by Thomas Mann: from the idea to its actual implementation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 95–100. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_95

ВВЕДЕНИЕ

Длительный период работы Т. Манна над «Волшебной горой», этой задуманной в 1913 году и опубликованной в 1924 году книгой – время не только глобальных социально-политических перемен, но и значительной трансформации художественных установок писателя. Вероятно, именно в этом «промежуточном положении» (Х.-Г. Гадамер) «Волшебной горы» причина того, что подходы к изучению романа могут считаться, по утверждению ряда авторитетных немецких критиков, принципиальными для парадигмы всего «манноведения» (Thomas Mann Forschung) [Koopmann, 2005; Kurzke, 2010].

Стабильно высокое внимание мировой науки о литературе к «давогскому» роману Манна обуславливает *актуальность* настоящего исследования, а также его *цель*, состоящую в том, чтобы заглянуть в творческую лабораторию автора «Волшебной горы», проследить диалектику замысла и воплощения этого культового для западноевропейской литературы текста.

Согласимся с А. П. Бондаревым: «В сюжетобразующем диалоге между замыслом и воплощением – когнитивной авторской интенцией и эзотерическим смыслом события – кроется разгадка таинственного очарования художественной литературы» [Бондарев, 2015, с. 36].

Достижение поставленной цели, восходящей в том числе к присущему Манну повышенному интересу в отношении природы творческого процесса, предполагает опору на биографическое литературоведение, а также на *методы* текстологического исследования.

СТАТЬИ, ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ

Существует несколько возможностей для изучения диалектики замысла и воплощения применительно к роману Т. Манна «Волшебная гора».

С одной стороны, Манн много писал об этом тексте – в критических статьях, письмах, дневниках – этот материал довольно детально исследован в литературоведении. Так, хрестоматийное *принстонское* «Введение к “Волшебной горе”» напоминает о месте этого текста в контексте творчества Манна середины 1910-х годов и сообщает читателю, что роман «Волшебная гора» задумывался как полный юмора и гротеска рассказ, своего рода «драма сатиров», контрастирующая с «трагической новеллой» «Смерть в Венеции» и выполняющая роль «стилистической передышки» [Манн, 1960, т. 9, с. 158].

В одном из писем Манн указывает на «санаторный роман» как на промежуточное звено между «юношескими реалистическими “Будденброками”» и тетралогией об Иосифе, «демонстративно мифологическим произведением <...> почти шестидесятилетнего возраста» [Манн, 1975, с. 62].

С письмами Манна также во многом связан важнейший для манноведения вопрос жанровой природы романа.

Писатель не раз рассматривал «Волшебную гору» в контексте немецкого романа воспитания, а ее героя Ганса Касторпа – в неразрывной связи с гётевским Вильгельмом Мейстером [там же, с. 36]. По мнению Г. Вислинга, эта освященная авторитетом автора шаблонная формула в течение значительного времени якобы затмевала собою объективную сущность жанровой природы романа [Wysling, 2005].

Обращение к дневникам Манна конца 1910-х годов позволяет ученым проследить эволюцию одного из ключевых персонажей романа – Лео Нафты. Согласно первоначальному замыслу Т. Манна оппонентом Сеттембрини должен был стать протестантский священник по фамилии Бунге. Bunge – в переводе с немецкого – верша, конусообразная рыболовная снасть [Wißkirchen, 1986].

Протестантский пастор Бунге превращается в еврея-иезуита Нафту. Ему по-прежнему присущ навык филигранной вербовки неофитов, но образ героя обретает еще более противоречивый, парадоксальный характер. Обращает на себя внимание двоякое толкование того, как зовут второго ментора Касторпа. Лео – это видоизмененное еврейское имя Иуда [Kaganoff, 1977]. В то же время – очевидна отсылка к католицизму в лице Папы Льва XIII, возглавлявшего римско-католическую церковь с 1878 по 1903 год. Говорящей представляется и конечная фамилия иезуита, мало чем уступающая первоначальной Бунге. На иврите Naphtali – «спорить» или «бороться» [Grenville, 1985]. Кроме того, Naphta – наименование качественного углеводородного растворителя. Обе грани значения символичны и отсылают к упомянутой выше перевербовке протагониста романа.

Это лишь один из примеров того, как статьи, дневники и письма Манна позволяют пролить дополнительный свет на процесс воплощения творческого замысла.

Большинство наиболее релевантных высказываний Манна о «санаторном» романе, изложенных в подобных источниках, представлено в изданной в начале 90-х годов книге «Selbstkommentare “Der Zauberberg”» [Манн, 1992].

ЧЕРНОВЫЕ РУКОПИСИ

Вторым важнейшим источником для исследования диалектики замысла и воплощения применительно к роману Т. Манна могли бы стать его черновые рукописи. С ними связана отдельная, почти детективная история, известная, прежде всего, по воспоминаниям дочери Манна Эрики.

В 1933 году Т. Манн, находясь в зарубежном лекционном турне, получает известие об обыске в его мюнхенском доме и по настоятельному совету детей принимает решение не возвращаться на родину.

Остро встает вопрос дальнейшей судьбы многочисленных рукописей, хранящихся в кабинете Манна на Пошингерштрассе, ввиду очевидного риска их конфискации сотрудниками Гестапо. Писатель связывается со знакомым мюнхенским адвокатом, доктором Валентином Хайнсом – тот соглашается принять документы на хранение. В 1945 году в его канцелярию попала бомба, и все бумаги были уничтожены.

Единственную чудом сохранившуюся рукопись, которую удалось вывезти из арестованного мюнхенского дома писателя, в манноведении принято именовать «*Ausgeschiedene und umgearbeitete Seiten aus dem Zauberberg*». Речь о части черновых материалов самой первой редакции первого тома «Волшебной горы». Эти полные помет и исправлений рукописные материалы, составляющие примерно 1/10 часть первого тома романа (около 100 страниц), были частью архива, переданного Манном в конце 1930-х годов в дар Йельскому университету. В докладе, прочитанном в честь этого события (25 февраля 1938 г.), писатель подчеркивает важность передаваемых рукописей, ведь они позволяют заинтересованным читателям «заглянуть внутрь интеллектуальной лаборатории» («to permit the friends of literature to gain insight into an intellectual workshop») [Angell, 1938, с. 45].

В отечественном литературоведении больше известно иное «американское» событие – прinstonский доклад об истории Ганса Касторпа. Думается, пришло время для того, чтобы очертить контуры и этого «йельского» сюжета «Волшебной горы».

В конце 1970-х годов Цюрихский архив Томаса Манна совместно с Йельским университетом (прежде всего, профессором Джеймсом Уайтом) взяли на себя колоссальный труд, переработали эту рукопись, перевели ее в машинописный вариант, сохранив все пометы и исправления, и издали ограниченным тиражом в рамках четвертого тома ежегодника «*Thomas Mann Studien*».

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ «ЙЕЛЬСКОГО» СЮЖЕТА

Анализ черновых, не вошедших в роман фрагментов, открывает дополнительные принципиальные особенности итоговой редакции «Волшебной горы». Имеет смысл остановиться на пяти наиболее релевантных эпизодах.

1. Вызывает интерес сцена, изображающая восприятие Гансом Касторпом звуков занятия любовью, доносящихся из соседнего номера, где живет «нехорошая» русская пара. Во-первых, в «йельском» манускрипте эти звуки представляются значительно более интенсивными: «*das schlüpfrige Geplänkel nebenan*» (непристойные игрища по соседству) вместо «*das Treiben jenseits der Wand*» (возня по ту сторону стены) [White, 1980a, с. 39]. Во-вторых, и это главное, Манн вычеркивает следующую сцену – размышления Ганса о двойственной природе любви, а также о собственных познаниях в этой сфере. Таким образом, писатель принял решение изобразить Касторпа значительно менее искушенным молодым человеком. Этот опыт – физический и концептуальный – по мере дальнейшего развития событий герою передадут Клавдия Шоша и доктор Кроковский.

2. По-новому удастся посмотреть на некоторые аспекты образа Кроковского и сопряженного с ним комплекса психоаналитических идей.

Первое упоминание о психоанализе в романе приходится на самое начало первой главы (эпизод «Приезд») – учение Фрейда значительно опережает все иные высокорганные педагогические инстанции. Характерна реакция Ганса на замечание Иоахима о сеансах «расчленения душ» – истерический смех, причина которого в явлении, названном Фрейдом «сопротивлением», т. е. немотивированным бессознательным неприятием анализа. Данная реакция мотивируется пронизательным лексическим наблюдением, которому мы обязаны Т. Анцу [Anz, 2002, с. 339]: неодобрительное восклицание Ганса – «*widerlich!*» (в переводе В. Станевич – «гадость!») является слоговым омоформом упомянутого психоаналитического термина «*Widerstand*» (сопротивление). В «йельском» манускрипте Ганс восклицает «*ekelhaft!*» [White, 1980a, с. 23]: формально смысл тот же, но в концептуальном отношении конструкция значительно более простая, так как отсутствует психоаналитический «диалогизующий» (по М. Бахтину) фон.

Кроме того, в финальный текст романа не входит одна из острот Сеттембрини о Беренсе и его ассистенте-психоаналитике. Итальянец интересуется, успел ли Ганс познакомиться с Радамантом и Мином, подчеркивая, что Радамантом он

естественно называет более высокого, «длинного» («der Längere») – Беренса. Мифологические имена остаются в финальной редакции, однако вторичность (т. е. меньшая «длина», рост) Кроковского не упоминается [White, 1980a].

3. Отдельного рассмотрения заслуживает и замысел кульминационного эпизода романа – карнавала в «Бергхофе». В «йельском» манускрипте «Вальпургиева ночь» заканчивается иначе. Мангеймец и фройляйн Энгельгардт, шпиона за Гансом, обнаруживают, что он пошел не на третий, а на второй этаж – где располагался номер Клавдии [там же].

Более того, размышления Ганса о том, стоит ли ему проследовать за Клавдией, длятся ровно семь минут – по привычке, как иронично замечает автор. При этом ирония, излюбленный манновский прием, обретает даже не двойное, а тройное «дно». Первая параллель напрашивается сама собой: семь минут длится процедура измерения температуры. Перед исследователем и компетентным читателем открывается и более глубокий пласт. А именно: число 7, изначально отсылавшее к благовоспитанной бюргерской среде (7 имен предков на купели), по мере развития сюжета становится своего рода маркером проблематизации филлистерства. Именно на седьмой день пребывания в «Бергхофе» Ганс посещает психоаналитическую лекцию Кроковского. Через семь недель Ганс вербализует намерение остаться в «Бергхофе» до весны, тем самым фактически порывая с «равнинным» мироощущением. Наконец, нужно вспомнить санаторный карнавал, венчающий седьмой месяц швейцарских «каникул» протагониста, на котором Ганс осознанно и акцентированно отказывается следовать наивным гуманистическим наставлениям Сеттембрини.

Описанный в «йельской» рукописи эпизод представлен в окончательной версии «Волшебной горы» лишь имплицитно. Сексуальную связь Касторпа и русской пациентки подразумевает «вкушение» протагонистом «плоти» во время карнаваловых празднеств и обретение Гансом рентгеновского снимка возлюбленной в награду за возврат одолженного на время карандаша. Наличие подобных повествовательных эллипсов – характерная черта поэтики интеллектуального романа Т. Манна.

4. Важный формальный момент: анализ «йельской» рукописи показывает, что изначально

Манн планировал пронумеровать не только главы (Kapitel), но и эпизоды (Unterkapitel) романа. В этом случае первая встреча Ганса и Клавдии состоялась бы в седьмом эпизоде. В дальнейшем Манн, очевидно, счел нецелесообразным перенасыщение текста числами и принял решение не нумеровать эпизоды, а давать им краткие полифонические заголовки. Номер же остался только у глав (которых, конечно, семь).

5. Дополнительный свет проливается и на образ Цимсена. Его первоначальное имя – Лоренц. В дальнейшем это имя досталось деду Касторпа, воплощающему столь же консервативный комплекс идей. Цимсен, как известно, получил имя Иохим. Джейс Уайт тонко подмечает, что это единственный персонаж романа, в имени и фамилии которого ровно семь букв (Joachim Ziemßen), что, вероятно, являет собой знак особой симпатии Манна [White, 1980b, с. 15]. При этом числовая символика в этом случае очевидно имеет еще первоначальный «равнинный» смысл (ср. с семью именами предков на купели). Наконец, упомянем и возможную этимологию имени этого персонажа: фамилия кузена Ганса созвучна немецкому Zinn – олово (как известно, Манн признавался, что своеобразным символом его собственного мироощущения является оловянный солдатик Х. К. Андерсена).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу специфики своей творческой манеры Манн, как правило, столь скрупулезно продумывал текст, что первая же рукопись оказывалась чистовой и шла в набор.

«Йельский» манускрипт «Волшебной горы» представляет собой одно из редких исключений из этого правила, что и позволило нам в общих чертах охарактеризовать проблемный процесс воплощения творческого замысла Манна, сопряженного с перманентной коррекцией как незначительных формальных деталей, так и сюжетообразующих конструкций.

В результате становится возможным наблюдение завораживающего явления, которое в «Смерти в Венеции» было охарактеризовано так: «Счастье писателя – мысль, способная вся перейти в чувство, целиком переходящее в мысль» [Манн, 1960, т. 7, с. 494].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Koopmann H. Forschungsgeschichte // Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. S. 941–1006.
2. Kurzke H. Thomas Mann. Epoche – Werk – Wirkung. München : C. H. Beck Verlag, 2010.

3. Бондарев А. П. Замысел и воплощение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 23 (734). С. 7–37.
4. Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета // Собр. соч. : в 9 т. : пер. с нем. М. : Гослитиздат, 1960. Т. 9. С. 153–171.
5. Манн Т. Письма / пер. с нем. ; отв. ред. Б. Л. Сучков. М. : Наука, 1975.
6. Wysling H. Der Zauberberg // Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. S. 397–422.
7. Wißkirchen H. Zeitgeschichte im Roman. Zu Thomas Manns «Zauberberg» und «Doktor Faustus». Bern : Francke Verlag, 1986.
8. Kaganoff B. C. A Dictionary of Jewish Names and their history. New York : Schocken Books, 1977.
9. Grenville A. «Linke Leute von rechts»: Thomas Mann's Naphta and the ideological Confluence of Radical Right and Radical Left in the Early Years of the Weimar Republic // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1985. Vol. 59. Issue 4. P. 651–675.
10. Mann Th. Selbstkommentare: 'Der Zauberberg'. Berlin : Fischer Taschenbuch, 1992.
11. Angell J. W., Jr. The Thomas Mann Collection // Yale University Library Gazette. 1938. № 13, P. 41–45.
12. White J. F. The Yale Zauberberg-Manuscript. Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern : A. Francke AG Verlag, 1980a.
13. Anz Th. Indikatoren und Techniken der Transformation theoretischen Wissens in literarische Texte – am Beispiel der Psychoanalyse-Rezeption in der literarischen Moderne // Literatur und Wissen(schaften) 1890–1935. Von C. Maillard und M. Titzmann (Hrsg.). Stuttgart ; Weimar: Metzler, 2002. S. 331–347.
14. White J. F. Introduction // The Yale Zauberberg-Manuscript. Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern : A. Francke AG Verlag, 1980b. P. 12–20.
15. Манн Т. Смерть в Венеции // Собр. соч. : в 9 т. : пер. с нем. М. : Изд-во Гослитиздат, 1960. Т. 7. С. 448–526.

REFERENCES

1. Koopmann, H. (2010). Forschungsgeschichte. Thomas-Mann-Handbuch / Hrsg. von H. Koopmann (Ss. 941–1006). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
2. Kurzke, H. (2010). Thomas Mann. Epoche – Werk – Wirkung. München: C. H. Beck Verlag.
3. Bondarev, A. P. (2015) The idea of literary work and its actual incarnation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 23(734), 7–37. (In Russ.)
4. Mann, Th. (1960) Vvedenie k «Volshebnnoj gore». Doklad dlja studentov Prinstonskogo universiteta. Sobranie sochinenij = Introduction to "The Magic Mountain", held at Princeton University. Collection of works. (pp. 153–171). (Vols. 10). Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)
5. Mann, Th. (1975) Pis'ma : per. s nem. = Letters / trans. with him. In B. L. Suchkov (ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Wysling, H. (2005). Der Zauberberg. Thomas-Mann-Handbuch. Von H. Koopmann (Hrsg.). (pp. 397–422). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
7. Wißkirchen, H. (1986). Zeitgeschichte im Roman. Zu Thomas Manns «Zauberberg» und «Doktor Faustus». Bern: Francke Verlag.
8. Kaganoff, Benzoin C. (1977). A Dictionary of Jewish Names and their history. New York: Schocken Books.
9. Grenville, A. (1985). «Linke Leute von rechts»: Thomas Mann's Naphta and the ideological Confluence of Radical Right and Radical Left in the Early Years of the Weimar Republic. Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, 59(4), 651–675.
10. Mann, Th. (1992). Selbstkommentare: 'Der Zauberberg'. Berlin: Fischer Taschenbuch.
11. Angell, J. W., Jr. (1938). The Thomas Mann Collection. Yale University Library Gazette, 13, 41–45.
12. White, J. F. (1980a). The Yale Zauberberg-Manuscript. Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern: A. Francke AG Verlag.
13. Anz, Th. (2002) Indikatoren und Techniken der Transformation theoretischen Wissens in literarische Texte – am Beispiel der Psychoanalyse-Rezeption in der literarischen Moderne. (pp. 331–347). Literatur und Wissen(schaften) 1890–1935 Von C. Maillard und M. Titzmann (Hrsg.). Stuttgart, Weimar: Metzler, .
14. White, J. F. (1980b) Introduction. The Yale Zauberberg-Manuscript. (pp.12–20). Rejected Sheets Once Part of Thomas Mann's Novel. Bern: A. Francke AG Verlag.
15. Mann, Th. (1960) Smert' v Venecii. Sobranie sochinenij = Death in Venice. Collection of works. (pp. 448–526). (Vols. 10). Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляков Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
заведующий научной лабораторией сравнительного литературоведения и художественной антропологии
Московского государственного лингвистического университета

Чернова Юлия Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Веденеева Анастасия Юрьевна

лаборант-исследователь научной лаборатории сравнительного литературоведения и художественной антропологии
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belyakov Dmitry Aleksandrovich

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Russian and World Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Head of the Research Laboratory for Comparative Literature and Artistic Anthropology
Moscow State Linguistic University

Chernova Iuliia Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Russian and World Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Vedeneeva Anastasia Yurjevna

Researcher at the Laboratory for Comparative Literature and Artistic Anthropology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 14.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 14.10.2022
accepted for publication 14.11.2022